

наполнил все его тело свежим, радостным трепетом. Ему казалось, что следы сегодняшнего пьянства сразу стерлись в его мозгу, точно от прикосновения мокрой губки». Природа и здесь не отвернулась от Ромашова — она помогает ему почувствовать себя снова чистым и по-человечески правым. Но вот Ромашов звереет во время драки с Николаевым. Природа все та же: «Был рассвет, с ясным, детски чистым небом и неподвижным прохладным воздухом. Деревья, влажные, окутанные чуть видимым паром, молчаливо просыпались от своих темных, загадочных ночных снов». Однако Ромашов стал другим — он потерял в себе человека и потерял право на сопереживание природы: «Он чувствовал себя низеньким, гадким, уродливым и бесконечно чужим среди этой невинной прелести утра, улыбавшегося спросонок». Это очень важный момент во всем образном строе «Поединка»: больше природа не будет жить с Ромашовым единой внутренней жизнью, не будет помогать ему в трудные минуты.

Поразительно, как меняются у Куприна пейзажи в связи с этим изменением самой роли природы в жизни человека. В главе V Ромашов разговаривает с Назанским в комнате, но природа здесь все время вместе с людьми: они чувствуют «теплый, порывистый, но беззвучный ветер», видят «преувеличенно-яркие и точно теплые звезды»; ощущают «бархатную темноту вечера», угадывают «тайное и страстное брожение» и «расточительное сладострастие земли, растений, деревьев — целого мира». Другой разговор Ромашова с Назанским перед дуэлью (глава XXI) происходит во время прогулки в лодке, на озере, в лесу. Но природа здесь только фон событий, она глуха ко всему происходящему, герои не чувствуют ее внутренней жизни: жесткие стебли камыша «важно и медленно кланялись», вода переливалась, «как жидкое стекло», кругом стоял «высокий и неподвижный камыш». Особенно необычны в заключительных главах «Поединка» описания вечерней зари. В начале повести с видом догорающего заката у Ромашова всегда были связаны прекрасные, «лучезарные» мечты об изумительной, волшебной жизни, столь непохожей на серые будни армейской действительности. В описаниях зари в начальных главах «Поединка» Куприн был щедр на краски, подобные горящему пламени, которое пронизывало тучи и не позволяло им скрыть животворного солнца. Это была бурная, кипучая жизнь, создававшая особый внутренний мир героя. Теперь перед нами совсем другие картины вечерней зари: «Солнце село за дальними городскими крышами, и они черно и четко выделялись в красной полосе зари. Кое-где яркими отраженными огнями играли оконные стекла». Писатель переключает внимание с мира природы, живой, чутко реагирующей на переживания людей и создающей их настроение, на мир холодных и бесчувственных вещей. А последнее свидание Ромашова и Шурочки лишено даже такого отраженного естественного фона: оно происходит в жалкой каморке Ромашова, под аккомпанемент тиканья часов: «Будильник наполнял своей металлической болтовней все углы темной комнаты».

От природы — друга, участника событий и творца переживаний человека Куприн приводит читателя к природе — фону, а от него — к миру холодных и бесчувственных вещей. Вот тогда-то и говорит мысленно Ромашов: «Я приговорен. Я один». Да, сначала Ромашов стал чужим живой и чуткой природе, а затем природа и сама как бы умирает — ее заменяют бесчувственные вещи, потому и герой обречен — он неминуемо должен умереть. Таким образом, пейзажи в «Поединке» очень важны композиционно, поэтому так тщательно продуманы Куприным все детали, так мастерски отобраны для их воплощения лексические средства.

И наконец, есть еще одно стилистическое явление, претерпевающее заметную эволюцию в творчестве Куприна, — несобственно-прямая речь, которая является особым способом введения голоса изображаемых персонажей в художественное произведение. Несобственно-прямая речь наряду с прямой и косвенной речью передает слова и мысли героя, правда, представлена она как речь автора, но с сохранением некоторых специфич-